

ФИЛОЛОГИЯ*(шифр научной специальности: 10.02.19)*

УДК 81

К.С. Неустроев*УМЦ "Темпус"**г. Ростов-на-Дону, Россия**linguotutor@gmail.ru****Л.В. Гущина****Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия**lgushchina@sfedu.ru***ПРЕСУПОЗИЦИИ В НАУЧНО-ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ:
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ*****[Kirill S. Neustroev, Lyudmila V. Guschina******Presuppositions in scientific legal text:******means of expressing and pragmatic functions]***

In the context of the scientific and legal text, the presupposition is a semantic and pragmatic phenomenon, and therefore the statement in this text, in order to have an effective perlocutive effect on the addressee, contains implicit preconditions of comprehension, which are taken by the addressee as a matter of course. This publication discusses the constructive role of presuppositions in the scientific legal text, illustrates how they are activated and what pragmatic functions they perform. It is demonstrated, based on what parameters the authors of scientific and legal texts distinguish between effective and ineffective presuppositions, while in some cases significantly reducing the clarity and transparency of the text. It is argued that the optimal use of presuppositions is an effective stylistic means of creating a concise nature of the legal statement.

Key words: presupposition, scientific and legal text, implicit content of the statement, pragmatic functions, logical sequence, conversational implicatures.

В текущих лингвистических изысканиях пресуппозиции анализируются как один из типов выражения имплицитного содержания высказывания [1], неявного знания [2]. В юридических текстах пресуппозиции формируют существенный фрагмент того прескриптивного содержания, которое, как правило, предписывается действующими законодательными документами. Данное содержание, в

свою очередь, обладает статусом облигаторности для соблюдения в социуме. С семантической точки зрения, кодируемые импликации и пресуппозиции являются релевантным компонентом прескриптивного содержания юридических текстов [3]. Коммуникативные обязательства, которые извлекаются из семантики используемых языковых выражений, преимущественно являются конструктивным элементом законодательных предписаний, даже если импликативное содержание в полной мере не уточняется значениями юридических высказываний.

Цель данной публикации заключается в том, чтобы проанализировать законодательную практику на фоне представленных выше теоретических положений, используя юридические научные тексты на английском языке. В частности, мы исследуем следующую проблематику:

- выявление пресуппозиций, которые предполагают выводное знание и являются наиболее типичными для юридических текстов;
- исследование прагматических функций данных пресуппозиций в соответствующих текстах.

В проанализированных нами лингвистических изысканиях последовательно дифференцируются такие понятия, как:

- семантическая (конвенциональная) пресуппозиция, которая кодируется в специфических языковых выражениях;
- прагматическая (конверсационная) пресуппозиция, предполагающая активацию общих фоновых знаний в коммуникативном взаимодействии.

В рамках нашего исследования мы задействуем термин «семантическая пресуппозиция», т.е. такую разновидность «свернутого» отражения внеязыковой действительности, которая извлекается из конвенциональной семантики специфических языковых выражений. Исходя из подобного понимания, пресуппозиции предопределяются устойчивым набором языковых характеристик, которые дают возможность последовательно отграничивать их от иных типов имплицитного содержания, а именно логического следствия и конверсационных импликатур. В частности, мы трактуем имплицитное содержание юридических текстов в следующих терминах:

- пресуппозиции как предварительного условия успешности утверждения, которое признается как само собой разумеющееся;
- логическое следствие как совокупность фактов, которые логически вытекают из утверждения;

- конверсационные импликатуры как умозаключения, к которым приходит адресат на основе признания того, что автор утверждения реализует кооперативную стратегию и следует общепринятым конверсационным максимам общения.

Указанные типы имплицитного содержания наглядно иллюстрируются следующим примером:

(1) «*Justice in the context of law is the moral idea that law upholds the protection of rights and the punishment of wrongs*» [4, p. 21].

(1a) «*Justice protects rights and punishes wrongs*» (пресуппозиция);

(1b) «*Justice is not the axiological idea and does not protect wrongs*» (логическое следствие);

(1c) «*Being the moral idea justice is obligatory in every society*» (конверсационная импликатура).

Анализируемое утверждение приобретает определенное значение, если мы принимаем как само собой разумеющееся тот факт, что понятие справедливости стоит на защите праведных поступков и является механизмом наказания злодеяний (т.е. (1) предполагает (1a)). В противоположность этому тот факт, что справедливость не предстает аксиологическим понятием и не защищает злодеяния, рассматривается как логическое следствие того, что в основе его заложены моральные воззрения общества, а не субъективные аксиологические представления (т.е. (1) влечет за собой (1b)). Наконец, конверсационная максима количества («вклад в общение должен быть настолько информативным, насколько это требуется текущими целями сообщения») в специфической ситуации может вызвать то, что понятие справедливости не является универсальным, применимо только в отдельно взятых социумах. Другими словами, на основе анализируемого утверждения адресат делает вывод о том, что понятие справедливости предстает обязательным для всех социумов. В контексте подобного конверсационного сценария (1) имплицитно содержит собой (1c).

Все типы имплицитного содержания, обозначенные выше, могут быть охарактеризованы специфическим языковым контекстом актуализации. Например, пресуппозиции обычно проектируются и при наличии отрицания, чего нельзя сказать о логическом следствии. В связи с этим следующие модификации утверждения (1) также предполагают (1a), но уже не влекут за собой (1b):

(1.1a) «*Justice in the context of law is the moral idea that law does not uphold the protection of rights and the punishment of wrongs*» (отрицание);

(1.1b) «*If justice in the context of law is the moral idea, law upholds the protection of rights and the punishment of wrongs*» (условие);

(1.1c) «*Is justice in the context of law the moral idea that law upholds the protection of rights and the punishment of wrong?*» (вопрос);

(1.1d) «*Justice in the context of law might be the moral idea that law does not uphold the protection of rights and the punishment of wrongs*» (модальность предположения);

(1.1e) «*I strongly believe that justice in the context of law might be the moral idea that law does not uphold the protection of rights and the punishment of wrongs*» (эпистемическая модальность, выражение мнения).

Пресуппозиции базируются на двух конфликтующих между собой принципах законотворчества – всеобщая ратификация заявляемых положений и ясность формы выражения. С одной стороны, пресуппозиции обеспечивают возможность «упаковки» дополнительного семантического содержания в отдельно взятое языковое выражение, что, в свою очередь, влечет за собой краткость, однозначность и ясность (прозрачность) формы текстового выражения того или иного юридического утверждения. С другой стороны, имплицитное содержание, воплощаемое пресуппозициями, может «скрываться» за непосредственным эксплицитным содержанием утверждений, а поэтому с трудом выводиться из текста (т.е. не быть ясным и прозрачным).

Очевидно, что в каждом конкретном случае юрист-исследователь решает, какой принцип оказывается оптимальным для превалирования в том или специфическом контексте научного текста. В целях выявления критериев, в соответствии с которыми принимается подобное решение (т.е. превалирования имплицитного или эксплицитного выражения утверждений), мы предлагаем провести прагматический анализ таких языковых конструкций, которые активируют те или иные пресуппозиции (необходимое профессиональное или повседневное знание) в целях релевантного осмысления юридического утверждения в контексте, заданном автором научного текста.

Согласно нашим наблюдениям, наиболее частотным способом активации пресуппозиций в научном юридическом тексте выступают именные словосочетания, построенные по различным моделям и обозначающие такие сущности, которые:

- проявляют независимость от действующих законодательств, юридической практики социума вообще;
- объективируются в мире в силу действия законодательств и юридической практики социума.

Вышеприведенное разграничение сущностей имеет много общего с той дифференциацией фактов, которую произвел Дж. Серль. В предлагаемой им классификации выделяются:

- «грубые факты», отражающие физическое состояние мира, его биологическую специфику;
- «институциональные факты», репрезентирующие мир сквозь призму культурных и социальных реалий.

Исследователь указывает, что грубые факты существуют независимо от каких-либо социальных институтов; институциональные факты обнаруживаются исключительно в рамках этих институтов. Категоризация фактов, представляемая нами, отличается от классификации Дж. Серля тем, что:

- выделяемая нами вторая категория сущностей включает в себя факты, которые проявляются в окружающем мире исключительно вследствие действия законодательств и юридической практики;
- факты, проистекающие из сферы культуры и социума (по классификации Дж. Серля «институциональные факты») и выявляющие внеправовое происхождение, рассматриваются нами в первой категории (по классификации Дж. Серля «грубые факты»).

Приведем пример фактов, которые проистекают не как следствие действующих законодательных актов, юридической сферы деятельности человека:

(2) «*Consider the **Colorado cave fish** who have existed almost unchanged for millions of years in the dark isolation of their **shallow cavern pools**. **The tiny ecosystem** of which they are a part has no known effect on the rest of nature; yet the courts have recently prohibited engineering projects that would cause their extinction*» [5, p. 32].

Размышляя над проблемой моральных границ безобидных проступков, автор научного юридического текста приводит в качестве практической иллюстрации такие сущности объективного мира, как *пещерные рыбы Колорадо, неглубокие бассейны пещер, микроскопическая экосистема*. Существование всех этих объектов и явлений окружающей действительности не подчи-

няется законодательным актам, их жизненные циклы не предопределяются юридической практикой социума, т.е. не регулируются правовым опытом человека. Упоминание данных объектов и явлений в научном юридическом тексте являются, своего рода, ссылками на внеправовые, действительные фрагменты физической картины мира. Эти ссылки, в свою очередь, выполняют в тексте чисто референциальную функцию.

Сущности, предопределяемые профессиональной деятельностью компетентных органов и должностных лиц в сфере норм права, иллюстрируются в следующем текстовом фрагменте:

(3) «*A recent report prepared by Pro Juarez... along with the Lawyers Committee for Human Rights notes that not only do human rights violations continue to occur in Mexico, the particularly disturbing fact is that in many respects they are “legal” through either explicit sanctions or loose interpretations of Mexican Law*» [6, p. 134].

В обозначенном выше контексте пресуппозиции выполняют конститутивную функцию: сущность *the Lawyers Committee for Human Rights / Комитет адвокатов по правам человека* свидетельствует о том, что процессы правореализации обеспечиваются, в том числе, юридическим институтом, обладающим подобным названием. В отличие от сущностей, выделенных во фрагменте (2), функционирование данного института предопределяется соответствующими законодательными документами. Пресуппозиция, активируемая анализируемым словосочетанием, предполагает знания о Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. Знания о данных юридических документах дают возможность делать умозаключения о специфике профессиональной деятельности указанного юридического института.

В отдельных контекстах пресуппозиции, активируемые номинативными словосочетаниями, порождают новые знания об обязательствах, которые принимают на себя те или иные юридические институты. Ср.:

(4) «*One particular case, which brought about a major paradigm shift in police use of deadly force, was the U.S. Supreme Court’s ruling in Tennessee v. Garner (1985* » [6, p. 72].

В обозначенном выше контексте номинативное словосочетание *Tennessee v. Garner / Теннеси против Гарнера*, обозначающее известную тяжбу

между двумя субъектами, подразумевает, что (а) данное судебное дело предопределило новую законодательную основу применения полицией смертоносной силы на государственном уровне и, следовательно, (б) Верховный Суд США берет на себя обязанности по наблюдению за выполнением принятого юридического документа.

Исходя из перспективы прагматического анализа научного юридического текста, пресуппозиции референциального типа активируются текстом без особого ущерба для знаний адресата. Эксплицитная констатация фактов из физической картины объективной действительности (см. фрагмент (2)) подразумевает знание об очевидных сущностях, вводя декларативный, обнаруживаемый вне нормативной сферы социума элемент в юридический текст. Если упоминаемая сущность не относится к физическому или биологическому миру, а репрезентирует внеправовой социальный или культурный институт, то исследуемое положение дел оказывается менее проясненным. В частности, социальные институты являются более нестабильными и неустойчивыми, чем другие внеправовые сущности, могут исчезать без предварительного упоминания об этом в юридических документах. В связи с этим нормативная база, подразумевающая существование специфических частных организаций, может устаревать и выходить из употребления, если упраздняются организации, деятельность которых данные нормы регулируют. Мы зафиксировали несколько контекстов, исходя из которых, оказывается не вполне ясным, налагают ли соответствующие нормы обязательства по учреждению необходимых юридических органов на государство, если частная инициатива не проявляет себя в достаточной мере. В качестве практической иллюстрации подобного положения дел рассмотрим следующий текстовый фрагмент:

(5) *«Building on the concept of ‘aggregate social harm’ cultivated in the abolitionist programme of the Prisoners Action Group in New South Wales..., I have suggested that this injury-based approach has a potentiality which could be more fully developed in relation to women prisoners. Its purpose would be to measure the injuriousness of imprisonment against the social injuries of women’s daily lives by drawing attention to the specific, concrete circumstances of women’s criminalised actions and of their imprisonment» [7, p. 141].*

Представляя концепцию ‘совокупного социального вреда’, юрист-исследователь обнаружит факт о своей причастности к общественной организации «Инициативная группа заключенных из Нового Южного Уэльса», которая разрабатывает программу аболиционистов. Цель данной программы – измерить вредность тюремного заключения в отношении социальных травм повседневной жизни женщин путем привлечения внимания к конкретным обстоятельствам преступных действий женщин и их тюремного заключения. Осмысливая данные установки частной организации, адресат текста сталкивается со следующими проблемами гносеологического порядка: (а) окажется ли заявленная цель морально устаревшей, если указанная общественная организация будет упразднена; (б) будет ли эта цель актуальной, если организация изменит свои исходные установки. Трактую пресуппозиции как конструктивный сегмент того, что предписывается законодательствами, исходя из анализируемого контекста, мы, фактически, приходим к умозаключению, что указанная проблематика получит релевантное урегулирование с опорой на действующую в социуме нормативно-правовую базу.

Таким образом, можно говорить о трех прагматических функциях пресуппозиций в научном юридическом тексте: 1) референциальная функция (указание на факты, которые существуют вне сферы действующей юридической практики социума); 2) конститутивная функция (обнародование названий юридических институтов); 3) деонтическая функция (налагание обязанностей на юридические институты).

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Аганова С.Г.* Герменевтическое знание в описании коммуникативных процессов // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5.
2. *Азарова О.А., Кудряшов И.А.* Когнитивный подход к исследованию неявного знания // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21.
3. *Гаврилова Г.Ф.* Предложение и текст: системность и функциональность. Ростов-на-Дону, 2015.
4. *Birdsall A.* The International Politics of Judicial Intervention. Creating a More Just Order. L., NY: Routledge, 2009.

5. *Feinberg J.* Harmless Wrong-Doing. The Moral Limits of the Criminal Law. NY, Oxford: Oxford University Press, 1990.
6. *Heath B.G.* Building a Culture of Lawfulness. Law Enforcement, Legal Reasoning, and Delinquency among Mexican Youth. NY.: LFB Scholarly Publishing LLC, 2006.
7. *Howe A.* Punish and Critique. Towards a Feminist Analysis of Penalty. L., NY: Routledge, 1994.

R E F E R E N C E S

1. *Agapova S.G.* Hermeneutic knowledge in the description of communicative processes // The Humanities and social sciences. 2013. No 5.
2. *Azarova O.A., Kudryashov I.A.* Cognitive approach to the study of implicit knowledge // Cognitive studies of language. 2015. No 21.
3. *Gavrilova G.F.* Sentence and text: consistency and functionality. Rostov-on-Don, 2015.
4. *Birdsall A.* The International Politics of Judicial Intervention. Creating a More Just Order. L., NY: Routledge, 2009.
5. *Feinberg J.* Harmless Wrong-Doing. The Moral Limits of the Criminal Law. NY, Oxford: Oxford University Press, 1990.
6. *Heath B.G.* Building a Culture of Lawfulness. Law Enforcement, Legal Reasoning, and Delinquency among Mexican Youth. NY.: LFB Scholarly Publishing LLC, 2006.
7. *Howe A.* Punish and Critique. Towards a Feminist Analysis of Penalty. L., NY: Routledge, 1994.

21 ноября 2018 г.
